

Владислав Крапивин

РУБИКОН

художник Г. Мазурин

Шестилетнего брата Петьки Сорокина прозвали
Кляксой. За то, что он был трус и нытик.

Однажды Римка сказала: „Ты бы хоть воспитывал его, Петька. Ему через год в школу идти, а он только реветь умеет“.

– „Сами попробуйте, – обиделся Петька. – Я вчера воспитывал. Меня за это в угол поставили...“ – За Петьку заступился Тимка: „Воспитаешь такого! Все-го на свете боится, даже каких-то паршивых гусakov“.

Это была правда. Гусей, которых завела соседка Нелли Прокопьевна, Клякса боялся даже пуще, чем грозы или пчёл. Как только Клякса выходил на крыльцо, зловердные птицы вытягивали шеи и хищно шипели. Конечно, Клякса ревел и пускался в бегство.

Всем опротивело Клясино нытьё. – „Хватит! – сказала Римка. – Клякса! Ты должен перейти рубликон“. – Глаза у Кляксы сделались круглыми, как синие блестящие пуговицы. – „Чего?“ – спросил он.

— Это значит перебороть страх, — объяснил Тоник. — Так один римский царь, Юлий Цезарь, сказал... Он всё думал, думал, переходить реку перед боем или не переходить. А потом решил перейти, чтобы отступить было некуда.

И Клякса вдруг остановился. И спросил: „А как переходить?“

Клякса был не Цезарь. Он понял, что лучше убраться пораньше. – „Ничего он не перейдёт, – махнул рукой Петька. – Я его знаю“.

– Очень просто, – посоветовала Римка. – Выйди на крыльцо и дверь за собой захлопни. Бежать-то некуда будет. Вот ты и дашь этим гусятам как следует. 10

– А если так боишься, вот возьми, – сказал Тимка и вынул из кармана новую красивую рогатку. – Только не реви и не трусь.

Когда тебе шесть лет, не очень-то приятно призна-
ваться, что трусишь. Някса вздохнул и сказал:
„Давай...“

Утром все собрались в коридоре. Тимка высыпал
Кляксе в карман рубашки пригоршню мелких на-
мешков.

Тоник снял защёлку с самозакрывающегося замка. —
„Не вздумай бежать за налитку, они всё равно до-
гонят. А дверь закрой“.

Ребята ушли на речку, а Нлякса остался в коридоре. Один раз он высунул голову за дверь. Гуси ходили недалеко.

Серый увидел Кляксу и гоготнул: „Доберёмся, погоди“.

Клякса вынул рогатку, вложил камень и шумно вздохнул. – „Раз, два, три“, – прошептал он и...

...не двинулся с места. Когда он представил, что останется один с гусакami, в животе у него заглодело. Клякса мотнул головой и ещё раз сосчитал до трёх.

И вдруг выскочил на крыльцо и захлопнул дверь. Гусак, как по команде, повернулся к нему. Они вытянули шеи, опустили к самой земле головы и приоткрыли клювы.

Клякса прижался спиной к двери. Он судорожно
натянул рогатку и выстрелил.

Камень щёлкнул по траве и пробил лопух. А гуси шли и шли. Прямо на Кляксу. Белый гусь зашёл слева и отрезал путь к калитке...

Серый двигался в лобовую атаку. Его приоткрытый клюв был внутри красным.

– Пошёл! – отчаянно заорал Клякса и выстрелил на-
угад.

А потом бросил рогатку и стал отчаянно дёргать дверь. Дверь, конечно, не открылась.

Клякса зажмурился и повис на ручке. Он изо всех сил поджал ноги, чтобы спастись от страшных клювов. Но долго так висеть было невозможно.

Руки сорвались, и Клякса шлёпнулся на крыльцо.

И тут он увидел удивительную вещь: серый гусак лежал на боку, откинув шею. Белый гусь смотрел на упавшего приятеля и удивлённо спрашивал: „Га?“

Серый дёрнул красной лапой, медленно поднялся и обалдело открыл клюв.

Клякса поднял рогатку и встал. И тут он понял, что не боится. Даже странно было, что он недавно дрожал перед этими птицами. – „Ну?“ – грозно спросил Клякса.

Гусак понуро побрели прочь. Клякса вышел на середину двора. Он стоял, как укротитель хищников на арене.

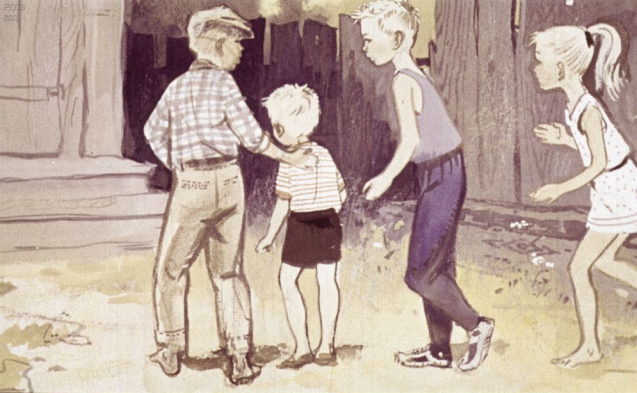
Вдруг в налитку вихрем влетела Римка, а с забора посыпались Тимка, Петька и Тоник. Они с криками „ура“ окружили победителя.

– Ух ты! – вдруг удивилась Римка. – Кожу-то как содрал на руке! Наверно, резиной от рогатки попало? Пойдём, завяжу. Больно тебе?

– Маленько, – тихо сказал Клякса и отвернулся к забору. Плечи его вздрогнули. Но этого никто не заметил. Ведь все привыкли, что, если он ревёт, то ревёт открыто, во весь голос.

Когда они шагали к дому, Петька спросил: „Ну что? Перешёл он этот самый рубикон?“ – „Факт“, – сказал Тимка.

Клякса остановился. — „А это?“ — тихо сказал он. И показал на щеке след одинокой слезинки. — „Это не считается, — решил Тоник. — Правда, ребята? Это же не от страха. Это так...“

И Клякса облегчённо улыбнулся.

Теперь его беспокоила только одна мысль. Он по-
сился на Тимку.

Но Тимка ничего не говорил про рогатку. И Клякса
сунул её под рубашку.

КОНЕЦ

Редактор Н. Мартынова
Художественный редактор Л. Усайтис

Студия „Диафильм“, 1969 г.
Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7
д-028-69
Цветной О-30